

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 316.7

ИСКАЖЕНИЕ СМЫСЛОВ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ЕЁ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ

Киприянова М. А., Смольников С. Н.

Аннотация: изучается актуальная социальная проблема – искажение смыслов в культуре, угрожающая не только целостности общества, но и существованию вида человека в природе. Объект исследования – социальная жизнь современного общества; предмет – изменение культуры под воздействием эволюции машинных и социальных технологий в массовом обществе и обществе потребления. Цель – изучение механизмов формирования культуры этого общества и ее возможностей по поддержанию цивилизованности общества. Метод исследования социологический. Культура понимается как способ образцовой деятельности (и её результатов) по воплощению социальных смыслов посредством соответствующих им социальных и машинных технологий. Ее основные свойства: субстантивность, инертность и консерватизм, всеобщность, нормативность, цивилизованность. «Технологизация культуры» рассматривается как процесс трансформации культуры в технологию под воздействием технических средств, превращения ее из самоценности в инструмент. Имеет два аспекта: 1) превращение культуры в социальные технологии; 2) увеличение доли в культуре технических (технологических) элементов, которые делают ее все более искусственной, поскольку источником культуры все больше служит искусственная среда обитания. Обращается внимание на то, что массовое применение технологий индустрии культуры способствует развитию тенденции дегуманизации культуры, когда из нее вытесняется ее природная и социальная основа. Для ее преодоления предлагается гуманистический поворот в технологизации культуры.

Ключевые слова: технологизация культуры, массовое общество, общество потребления, потребительская культура, индустрия культуры, социальные и машинные технологии формирования культуры.

В статье поднимается актуальная для современного общества социальная проблема – подмены смыслов в культуре, угрожающая целостности общества и его дальнейшему развитию. Она вызвана длительной чрезмерной экономизацией общества и ослаблением внимания к его культуре в исследованиях социальных наук. В последнее же время внимание к ней заслоняется обсуждением вопросов развития глобального капитализма и цифровизации общества [1]. Объект исследования – социальная жизнь современного общества в ее дифференцированном виде. Предмет – изменение культуры под воздей-

ствием эволюции машинных и социальных технологий в обществе потребления. Цель – выяснение причин, повлекших подмену смыслов в культуре и путей по восстановлению целостности общества. Метод – социологический.

Логика анализа исследуемой нами темы опирается на понимание того, что генетическим фактором культуры, то есть фактором ее возникновения выступает противоречие общества и природы, которое в дальнейшем преодолевается и становится «внешним» по отношению к культуре за счет ее внутренней противоречивости – самопротиворечивости. Это объясняется феноменом культуры, в которой выражается специфический тип поведения социального человека, адаптированного одновременно и к природной (биологической), и к социальной формам своего бытия [2]. Иначе говоря, культура – это способ самосохранения вида человека в природе с использованием социальной и искусственной сред его обитания. Отсюда рождение культуры и ее постоянное воспроизводство в истории предполагает использование для этих целей как *социальных*, так и *машинных* технологий. Если первые участвуют в создании и постоянной реконструкции социальной среды, и тем самым обеспечивают воспроизводство социального человека, то вторые способствуют созданию этим же человеком чего-то искусственного (предметного), играющего опосредующую роль при взаимодействии с природной средой, а также в социальных связях и отношениях [3]. В то же время культура на всем протяжении истории выступала в качестве позитивного решения противоречия биологического и социального в человеке, и утверждала себя в качестве *универсального механизма* воспроизводства и тех, и других технологий.

Нашему пониманию культуры отвечает представление о ней как о *способе деятельности (и результатах) по воплощению социальных смыслов посредством соответствующих им социальных и машинных технологий* (см. рис. 1). Так, в основании культуры виноградарства лежит смысл – использование винограда для питания и оздоровления человеческого организма. И этот смысл (целеполагание) задает результат и позволяет оценивать успешность деятельности. Он побуждает ее субъекты к поиску и использованию на практике все новых технологий. Культура задает образцы (эталоны) их действий и взаимодействий, соответствие которым говорит о совершенстве исполнения деятельности и воплощения ее эталонов.

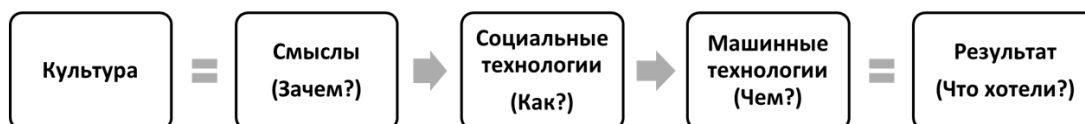

Рис. 1. Структура культуры

Культура = деятельность + ее результат. Деятельность = смысл + технологии (социальные и машинные).

В нашем определении культура непосредственно связана с социальной жизнью людей. Это *основополагающая форма* их жизни [4]. Она отвечает родовой природе человека и изначальна в человеческой истории. Экономическую, политическую и духовную

жизнь люди ведут лишь в связи с социальной, а не наоборот. К разновидностям социальной формы жизни людей относят: этническую, гендерную, поселенческую, семейную, профессионально-трудовую, бытовую и досуговую. Им структурно соответствуют основные носители культуры, ее субъекты: личности, социальные группы, общности и социум в целом. Их структурированность в социальном пространстве соответствует микро- мезо- и макроуровням *субъектности* культуры. Субъектность наиболее полно проявляется через *деятельностную активность* социальных образований людей в самых разных сферах их социальной жизни, которая в условиях государственности трансформируется в их политическую, экономическую и духовно-идеологическую активность [5]. В то же время любая деятельностная активность предполагает наличие *объектов* деятельности. Ими могут быть и те или иные машинные технологии, средства массовой коммуникации, отдельные личности, группы, социальные общности, социум, художественные картины или архитектурные сооружения. Взаимодействие субъекта и объекта деятельности носит двунаправленный характер. Содержательные особенности того или иного объекта востребуют особые социокультурные характеристики субъекта, готового компетентно взаимодействовать с объектом деятельности (если речь идет о социальном объекте), к обработке этого объекта (если речь идет о предметном объекте). В то же время выбор той или иной деятельности всегда остается за субъектом, и зависит от его мотивации к этой деятельности, от структуры его ценностей, от готовности работать в команде, соблюдать этические нормы организации, предприятия, где протекает эта деятельность, нести ответственность за ее результаты. В этом проявляется сущностные особенности культуры, реализуемые в процессе их разнообразной деятельности. Вне такой деятельности культуры просто не существует.

Таким образом, в сформулированном нами определении культуры акцент делается не на объектной, но на субъектной ее стороне, то есть на той стороне, которая характеризует активность субъекта, обусловленную его социальными особенностями: целеполаганием и смыслом своей жизнедеятельности, статусной позицией в обществе, структурой социокультурных ценностей – особенно моральных, его способностью к самопознанию и саморазвитию. В таком ее понимании культура не является самостоятельной субстанцией, она *предикативна, то есть обладает неотъемлемым свойством действий людей и всего того, что создано ими* [6]. Ведь не может быть деятельности людей и их взаимодействий без *способа их осуществления*. Ее основными свойствами являются:

1. *инерция и консерватизм* (ригидность и удержание связи с предыдущими образцами культуры);
2. *цивилизационность* (устойчивая связь между элементами, обусловленная «вписанностью» социума в конкретное географическое пространство и историческое время и ограниченностью состоянием социальной, природной и техногенной средами);
3. *всеобщность* – принадлежность всем социальным образованиям общества как субъектам деятельности (и тем самым как субъектам культуры) и всем социальным явлениям общества (вписанность культуры во все формы социальной жизни).
4. *нормативность* – следование социальными субъектами образцам, нормам пове-

дения, детерминированным условиями социализации.

Деятельностный подход к пониманию культуры не предполагает наличие у нее самостоятельных функций: они присущи не ей, а действующему субъекту. *Вместе с тем*, в ней учитывается, что овладение субъектом тем или иным *способом социальных действий* оказывает безусловное воздействие на качество выполняемых им функций. При этом чрезвычайное многообразие деятельности порождает и многообразии видов культуры: технологической деятельности соответствует технологическая культура, социальной – социальная культура, научной деятельности – культура научной деятельности и так далее. Первоначальным видом культуры является *социальная*. *Социальный аспект деятельности присутствует во всех видах деятельности людей, поэтому социальная культура также сопровождает все остальные виды культуры*. Она регулирует наиболее глубинные – сущностные проявления социальной жизни людей. Поэтому приоритетная роль в развитии культуры отводится *социальным технологиям*.

Обращает на себя внимание, что такое понимание культуры наследует (включает в себя) первоначальное толкование ее как *способа сельскохозяйственной деятельности*, а позднее – как *способа возделывания души человека*. Этот «способ» предполагает ответ на вопрос: *«Как люди действуют, создавая материальные, социальные и духовные ценности? Какие они используют для этих целей социальные и машинные технологии?»* Если социальные выступают как «встроенные» по отношению к воспроизводству культуры, то машинные как «внешние» (опредмеченные) по отношению к ней. Разумеется, подобное деление является условным, поскольку и те, и другие – результат деятельности людей, их социальной активности. Однако и цели, и возможности их использования на практике не только не одинаковы, но и могут быть взаимоисключающими. Это обусловлено условиями их развития в том или ином обществе, эволюцией типов общества и соответствующими им историческими типами культуры, а также внутренней противоречивостью и общества, и культуры.

«Технологизация культуры» иллюстрируется трансформацией слова «технэ». Возникнув для обозначения труда, связанного с ткацким, плотницким мастерством, оно переродилось в понятие «техника», обозначающее и процесс, и результат широкого круга деятельности. В дальнейшем за понятием «техника» закрепился смысл результатов только технической деятельности. Одновременно родилось понятие «технология» как учение о правильных способах любой деятельности (например, социальные технологии). Сегодня оно используется для обозначения любого способа деятельности (например, «технология успеха»). Здесь «технология» сливается с нынешним толкованием «культуры» как способа деятельности.

«Технологизация культуры» понимается нами как процесс трансформации культуры в технологию под воздействием технических средств, превращения ее из самоценности в инструмент. Имеет два аспекта: 1) превращение культуры в социальные технологии; 2) увеличение доли в культуре технических (технологических) элементов, которые делают ее все более искусственной, поскольку источником культуры все больше служит искусственная среда обитания. Подчинение социальных технологий машинным видно

на примере поглощения участников культуры индустрии ИКТ-корпорациями, которым государство отдает законодательный приоритет над производителями культурного контента [7, с. 26, 32, 34, 44]. Эта тенденция прослеживается по всему миру, особенно в индустриально развитых странах. Фиксируется она и в России.

Динамика и классификация культур осуществляется за счет выделения пиковых значений, которые носят мимолетный характер. Но пик принимается за эталонное значение, а эталон выдается за законченные формы культуры – ее слепок. Пик достижений, как правило, приходится на момент перехода от дефицитного спроса на удовлетворение значимых потребностей к его насыщению. Бурный рост приходится на момент, когда еще сохраняются повышенный интерес, сильна потребность и высоки стандарты, но уже открылся свободный доступ технологиям. Как только падает престижность (например, профессии или занятия) люди, создавшие эталоны сменяются людьми, работающими по шаблонам. Например, вслед за изобретателем приходят узкоспециализированные инженеры, которые превращают изобретение в индустрию. Поэтому взлет достижений сменяется «неожиданным» падением интереса и разочарованием. Превращение культуры в индустрию является признаком того, что творческая стадия (НИОКР) сменилась стадией массового производства стандартизированных образцов, поэтому ожидать особых достижений в культуре уже не приходится [8].

Длительное время в истории социальной жизни людей играли те виды их деятельности, которые были связаны с процессами материального производства и соответствующей им сменой орудий труда, а равно социальных условий труда. Возникшая в процессе труда культура отношений между его работниками и культура использования ими орудий труда, управления производством, с неизбежностью переносилась на культуру их быта и досуга, меняла отношения в семье. Тем самым материальное производство и связанные с ним процессы труда вплоть до середины XX-го столетия и составляли суть базисного проявления культуры, а его состояние выступало в качестве наиболее существенного индикатора содержания и типа культуры. Однако, с середины этого столетия ситуация переменилась. Значение труда и связанных с ним самых разных видов деятельности стало утрачивать прежние социальные позиции и замещаться для людей бытовой и досуговой сферами их жизни. В эти сферы и были перенаправлены все усилия властных структур и бизнеса по разработке новых социальных и машинных технологий. Подобный крен в развитии прежде всего этих сфер был связан с переходом к постиндустриальному этапу в развитии общества и новому предназначению культуры. Идеал дисциплинированного труда сменился идеалом безграничного наслаждения – найти смысл жизни в бесконечных удовольствиях и потреблении [9].

Выделение культуры индустрии связано с Первой мировой войной и чередой революций, вызвавших переосмысление значения пропаганды и перспектив, открывающихся от возможностей ее применения. Возможность сформировать новый образ жизни у целого общества менее чем за одно поколение вызвала как огромный интерес, так и приложение усилий по установлению контроля над СМИ. Универсальность задач, которые могут быть решены с ее применением, оказалась почти безграничной. Возможность существенно

снизить ригидность и консерватизм культуры как таковой позволила нивелировать роль традиционной культуры, а массовая фабрикация народной культуры – взломать ее. Возникла возможность и необходимость производства массовой культуры, состоялся переход к обществу потребления. Разумеется, процесс этот носил целенаправленный характер. Произошел сговор правящей и творческой элит. Первая получила возможность конструировать культуру под свои интересы, а вторая – избавиться от положения «бродячего художника», получив «твердый заказ» и уважение, потеряв при этом свободу творчества.

В отличие от народной культуры, имеющей высокую степень безопасности и надежности за счет децентрализованной сети из множества кластеров и узлов, массовая культура с ее централизованным и глобализованным распространением при одновременной возможности сохранения анонимности (в отличие от элитарной культуры) оказывается уязвима для взлома и разрушения. Кроме того, код народной культуры подвергается «естественному отбору» – вредные советы в массовом масштабе редко передаются по наследству. Массовая же культура лишена такой защиты. А ее основная направленность слабо связана с интересами ее объекта – носителя: либо отдать все средства и собственность, жизнь государству, либо отдать их какой-либо экономической группе. Кроме того, присутствуют и чисто деструктивные элементы массовой культуры, возникающие из-за мальтузианских взглядов власть и деньги имущих и конкуренции государств. Эталоны массовой культуры хранятся вне их носителей и потому образцы культуры не исчезают после смерти их носителей. Опасность массового распространения ошибочного кода, вызывающего массовое «заражение», или просто массовые ошибки его прочтения, интерпретации, вызванные отсутствием фактической возможности контроля доступа к образцам массовой культуры (возрастного, образовательного ценза), порождают необходимость встраивания «защиты от дурака», цензуры. Из публичного поля исчезает «серьезный, взрослый, неподцензурный разговор» Происходит инфантилизация культуры целых поколений и задержка взросления. Формируется социальный тип личности «вечного студента» – человека так и не становящегося взрослым – эталон культуры для него всегда остается во вне, экстериоризация не сменяет интериоризацию, и самореализация так и не наступает. Создание человека «безопасного для окружающих» (не конкурента элите и истеблишменту), а также безопасного для самого себя порождает человека, не доверяющего самому себе, не готового самостоятельно принимать решения. Этому способствует вытеснение пропаганды (как обращения к сознанию – диалогический монолог) более эффективной манипуляцией массовым сознанием (обращением к подсознанию). Так формируются большая личность и больное общество, лишенное надежды на потенциальное единство его культуры. Казалось бы, как это возможно? Распространение консюмеризма объясняется в значительной мере пассивной ролью послушного большинства субъектов культуры, которое без сопротивления следует сложившимся стереотипам и настроениям политической элиты, принимает навязываемые ей ложные нормы и ценности. Между тем, еще вчера это же социально дифференцированное большинство, своей упорной работой, в которой каждый прикладывал свой штрих к сделанному другими, обеспечивало такое единство на менталитетном уровне.

Изобилие предложения привело к борьбе за потребителя. Сформировался социальный тип потребителя – человека без воли, у которого «хочу сейчас» превалирует над «надо»; ориентированного на безусловный базовый доход и легкодоступный кредит. Это приводит к инфантилизации личности.

Развитие сетей коммуникаций и снижение цены доступа к ним открыло возможности для индивидуального производства и потребления контента, а также сместило внимание от производителей, носителей и переносчиков культуры к объемам контента и формам его представления, удобным для потребления, производству и услугам по его потреблению. Методы запретов нежелательных элементов в этих условиях оказались неэффективными и пришлось делать упор на вытеснение их собственным контентом. Производство продукции, привлекательной для потребителя, стало насущной необходимостью, а требование максимального охвата сделало культуру эклектичной. Эти свойства и понимание распространились практически на все сферы культуры. Появилось новое направление исследований – культурология, такое же эклектичное. Распространяется культурный релятивизм.

В массовом обществе статус культуры меняется – из стратификационной характеристики она становится стадильной и превращается во всеобщее свойство явлений, толкаясь все более расширительно, и разбивается на множество субкультур, а ее самоценность для социума сменяется инструментальным отношением. Рост технической доступности культурных образцов и снижение минимального порога для входа в эту сферу труда на фоне распространения массового образования и смены технологических укладов, позволили сосредоточиться на развитии человеко-машинных интерфейсов. А маркетинг сделал креативность и инновационность настолько распространенными словами, что идея всеобщего прогресса укоренилась в массовом сознании до состояния восприятия его как естественной и непреодолимой силы. Вместе с концепцией морального устаревания вещей все это лишает культуру своего основания, делая ее линейной и пунктирной. «Ракете прогресса чтобы лететь дальше нужно отбрасывать предыдущую ступень». «Движение все, а все остальное ничто». Текущая форма культуры скоро устареет и потому не имеет собственной ценности. Ценно лишь соучастие в общем движении, но у каждой субкультуры движение свое. Наличие множества субкультур, большинство из которых короткоживущие, отчасти компенсирует тотальность массовой культуры, обеспечивая соблюдение принципа необходимого разнообразия и динамичность благодаря множеству параллельных культурных экспериментов.

Общество спектакля способствовало направлению средств на развитие технологий виртуализации реальности, что позволило индивидуализировать представление. При этом представление все еще требует публичности, публичность требует политкорректности, которая вместе с требованием формального равенства приводит к профанации. Формальная общедоступность оборачивается эзотеричностью культуры. А ее иерархическое деление выдается за субкультуры и мультипарадигмальность. Это проявляется и в образовании, которое все больше подается не как система ступеней, а как обновляемый набор дополнительных инструкций – элективных курсов и альтернативных наборов компетенций. При этом на практике все больше проявляется принцип степеней

посвящения, когда новое знание не дополняет, а заменяет (отменяет) старое.

Культура постмодерна освобождает от требования единства между «верхами» и «низами», формально освобождает их друг от друга. Она «разрешает» конфликт культур за счет их окончательного уравнивания на индивидуальном, групповом и социумом уровнях – «истина субъективна и у каждого своя». Культура постмодерна – это технология избегания критики из-за отсутствия эталонных образцов культуры – нормативными являются все допустимые эталоны. Нет провозглашенного будущего, но при этом есть «отмененное», «отсталое» прошлое.

Современный этап изменения культуры характеризуется углубляющимся внедрением машинных технологий, что приводит к тому, что копировать (пока еще информацию, но в скором времени и материальные объекты) принципиально проще, чем создавать или даже изменять, а обработка повсеместно производится по шаблонам машинами. Производство культурных образцов как индивидуальное, так и коллективное становится легкодоступным технически, но при этом формальное размывание монополии на эталоны оборачивается малоразличимостью и малоценностью подавляющего большинства культурных проявлений. Чем ниже порог входа, тем больше «мусора» – и в социальном контингенте, и в информационном наполнении, и в «головах» (TikTok, Instagram). Перенос практически всей информации в электронную форму и электронные социальные сети делает людей все более зависимыми от мгновенного распространения и мгновенного удаления или блокировок доступа к ценным данным (документов, знаний, контактов, персональных данных), при все большей опосредованности социальных связей, все большей их формализации, вызванной техническими средствами.

Все более значимыми становятся социальные объединения в рамках потребления информационного и вещного контента (подписки), превалируя над трудовыми и родственными сетями – даже во время учебного или рабочего процесса, в семье, люди продолжают просматривать и обсуждать содержимое информационных потоков. Становятся возможными флэшмобы на разные темы, при этом анонимность их организации, примитивность содержания и оперативность управления позволяют организовывать и манипулировать толпами.

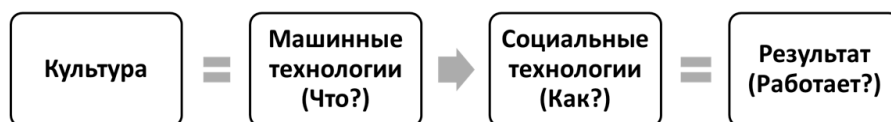

Рис. 2. Структура культуры общества потребления

В культуре общества потребления (см. рис. 2) отправная точка – смысл – опускается и цепочка начинается с машинных технологий, которым подчиняются социальные – делаем, потому что можем. Основная функция социальных технологий в данной схеме – добиться принятия обществом изменений и адаптировать людей к технике – как выжить людям в мире новых технологий. Культура здесь отождествляется с собственно технологиями. А результат культурной деятельности заранее смыслами не задан и пото-

му в полной мере не осознан ее субъектом. В такой схеме невозможно оценить успешность действий и эффективность управления – пришли ли мы туда, куда хотели или просто пришли. Если у политика успехом является победа, а у экономиста – прибыль, то у создателей новой техники любой относительно работоспособный результат считается успехом. Критерием успеха выступает не возрастающая полезность, заданная заранее, а новизна сама по себе – «инновационный продукт». Как есть искусство ради искусства, наука ради науки, так есть и техника ради техники. Технологии превращаются в фетиш. Происходит идеологизация техники, которая неизбежно приводит к схоластике, а не поиску истины и антипрагматизму в догматизме. Техника принимает облик Спасителя. Примером может служить проект «умный город», построенный от машинных технологий к социальным. В подобных проектах возникает иллюзия возможности замены социального прогресса техническим или даже отождествления первого со вторым. Вера в возможность и даже частичное достижение отделения культуры от человека, ее оцифровки и переноса всего человеческого опыта другому субъекту («электронная душа», «искусственный интеллект»). Технопрогрессивизм удобен тем, что признаки прогрессивности всегда определяются постфактум, самым прогрессивным всегда является текущий момент и самый последний образец. Нет вневременной шкалы прогресса, критерием прогрессивности служит само время – внесоциальная, неподвластная человеку сила. Романтизация и идеологизация техники доходит до ее сакрализации и в итоге не только социальные технологии служат машинным, но и человек служит технике – он начинает рассматриваться как инструмент «эволюции» техники. Эту проблему поднимал еще в прошлом столетии С. Лем в работе «Мегабитовая бомба» [10]. А Р. Шекли довольно образно в своих научно-фантастических рассказах описывал новый подвид человека, добровольно отказавшегося от своего самосознания (эго) – «зомбоида», то есть гуманоидного биологического робота [11]. Это является показателем того, что развитие социальных технологий происходит не в том ключе.

На основании вышеизложенного отслеживается тенденция дегуманизации культуры. Это подтверждается выносом смысла и цели культуры во вне человека и стремлением исключить смысл как человеческое из концептуальной схемы культуры. В целом процесс дегуманизации культуры можно соотнести с тремя стадиями сакрализации техники. Изначально единицами выживания были общины, и потому их интересы, интересы целого получили абсолютный приоритет. Первая стадия – появление «*нечеловеческого*» – создание «социальных машин» – государств (Левиафан Гоббса), на которые была перенесена сакральность. На этой стадии личность продолжала быть включенной в круг сакрального, а машина служит выживанию человека. Человек был либо «мерой всех вещей», либо богоподобен – у него есть душа – искра божья. Вторая стадия – появление «*внечеловеческого*» – характеризовалась выделением и сакрализацией уже подсистем общества и его механизмов – экономики, политики (священная церковь и государь, священная частная собственность). На этой стадии личность еще равна священным машинам – «машинные социальные», но уже отделяется от них. Третья стадия – появление «*надчеловеческого*» – характеризуется тем, что сакрализуются уже не «социальные ма-

шины», а технические машины. А вот человек теряет свою сакральность за счет секуляризации общества и киборгизации и принимает управление машинами.

В заключение хотелось бы отметить, что нашедшая отражение в нашем анализе актуальная социальная проблема общества – повсеместного использования технологий культуриндустрии и искажения с их помощью смыслов культуры лишает культуру ее внутреннего содержания, индивидуального и группового смысла, ее субъектности. Цели массового общества и общества потребления, направленные на формирование личности нового типа, способствуют отторжению от нее подлинного содержания культуры, лишают ее возможности самоидентификации с образцами, эталонами, выработавшимися в течение многих поколений, и способствовавших единству культуры на менталитетном уровне. Наличие тенденции все большего подчинения в этих типах общества социальных технологий машинным лишает культуру социального смысла, вне которого она просто не существует. Естественный механизм конструирования с помощью социальных технологий социальной среды, а равно машинных технологий – предметной среды начинает давать сбой. Ибо в конечном итоге машинные технологии являются результатом социального творчества. Отсюда способность личности и общества к решению противоречия между обществом и природой как основы культуры постепенно утрачивается, человеческое общество становится неустойчивым и наполняется чередой повседневных рисков: социальных, экологических, технологических, социокультурных и даже военных. Никогда в истории человеческого общества физическое сохранение вида человека в природе столь очевидно не ставилось в зависимость от радикальных изменений в культуре, от радикальных изменений души человека. Тенденции перехода общества к роботизации и цифровизации лишь будут усиливать зависимость нормативности культуры от потребительской индустрии. Этому уже сегодня способствуют политика идеологизации технологий, применяемых в культуриндустрии преимущественно в интересах ИКТ-компаний, конечной целью которых является прежде всего получение прибыли от изобретения все более тонких технологий, с помощью которых можно манипулировать формой и содержанием культуры. Поэтому, на наш взгляд, так мало уделяется внимания культуре производства, экологической культуре. Они не приносят особой прибыли, но, напротив, требуют серьезных вложений в них. Однако парадокс развития культуры состоит в том, что именно эти направления культуры требуют возврата внимания к ним для придания устойчивости обществу и виду человека в природе. Поэтому технологизация культуры нуждается в гуманистическом повороте.

Список литературы

1. Федотова Н. Н. Современные вызовы социальным наукам // Вопросы философии. – 2021. – № 12. – С. 32–42.
2. Файнбург З. И. Противоречие общества и природы как генетический фактор культуры // Экология и культура. Методологические аспекты. – Ставрополь, 1982. – С. 63–77.

3. Киприянова М. А., Смольников С. Н. Искусственная среда социально-экологического взаимодействия людей // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. – 2019. – Т. 1. – С. 106–115.
4. Смольников Н. С., Смольников С. Н. Социальная жизнь общества // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2020. – № 1. – С. 37–45.
5. Смольников Н. С., Смольников С. Н. Духовная жизнь современного общества // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2020. – № 2. – С. 35–43.
6. Смольников Н. С. Заметки о культуре // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2010. – № 6. – С. 84–100.
7. Культура и культурные индустрии в РФ: аналитика 2018–2020. Результаты комплексного исследования. – Москва, 2020. – URL: https://easop.org/wp-content/uploads/2021/01/culture_research_analitika-2020.pdf (дата обращения: 30.08.2022).
8. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. – М.-СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
9. Фромм Э. Иметь или быть? – М.: АСТ, 2014. – 320 с.
10. Мегабитовая бомба / С. Лем // Молох. – М.: АСТ, 2005. – 782 с.
11. Шекли Р. «Что такое зомбоид?» (1985). – URL: <https://youtube.be/MLAJ3Q9CPtE> (дата обращения: 30.08.2022).

Сведения об авторах

Киприянова Марионэлла Аркадьевна – кандидат исторических наук, г. Пермь, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, доцент кафедры социологии и политологии

E-mail: makipr@ya.ru

Смольников Сергей Натанович – г. Пермь, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, старший преподаватель кафедры социологии и политологии

E-mail: imperial2000@gmail.com

Kipriyanova M. A., Smolnikov S. N.

DISTORTION OF THE MEANINGS OF CULTURE IN THE CONDITIONS OF ITS TECHNOLOGIZATION

***Abstract:** an actual social problem is being studied - the substitution of meanings in culture, which threatens not only the integrity of society, but also the existence of the human species in nature. The object of research is the social life of modern society; the subject is a change in culture under the influence of the evolution of machine and social technologies in a mass society and a consumer society. The goal is to study the mechanisms of the formation of the culture of*

this society and its capabilities to maintain the civilization of the society. The research method is sociological. Culture is understood as a way of exemplary activity (and its results) for the embodiment of social meanings through the corresponding social and machine technologies. Its main properties are: substantivity, inertness and conservatism, generality, normativity, civilization. «Technologization of culture» is understood by us as a process of transformation of culture into technology under the influence of technical means, its transformation from a value in itself into a tool. It has two aspects: 1) the transformation of culture into social technologies; 2) an increase in the proportion of technical (technological) elements in culture, which make it more and more artificial, since the source of culture is increasingly the artificial habitat. Attention is drawn to the fact that the mass application of technologies of the cultural industry contributes to the development of the trend of dehumanization of culture, when its natural and social basis is forced out of it. To overcome it, a humanistic turn in the technologization of culture is proposed.

Keywords: *technologization of culture, mass society, consumer society, consumer culture, cultural industry, social and machine technologies of culture formation.*

References

1. Fedotova N.N. Sovremennye vyzovy soŭŭial'nyĭ naukam [Social Sciences Today: Contemporary Challenges] // Voprosy filosofii. – 2021. – № 12. – pp. 32–42.
2. Fainburg Z.I. Protivorechie obshchestva i prirody kak geneticheskii faktor kul'tury [The Contradiction of Society and Nature as a Genetic Factor of Culture] // Ekologiya i kul'tura. Metodologicheskie aspekty. – Stavropol', 1982. pp. 63–77.
3. Kipriianova M.A., Smol'nikov S.N. Iskusstvennaia sreda sotsial'no-ekologicheskogo vzaimodeistviia liudei [Artificial Environment of Socio-Ecological Interaction of People] // Sovremennoe obshchestvo: voprosy teorii, metodologii, metody sotsial'nykh issledovaniĭ. – 2019. – T. 1. – pp. 106–115.
4. Smol'nikov N.S., Smol'nikov S.N. Sotsial'naia zhizn' obshchestva [Social Life of Society] // Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki. – 2020. – №1. – pp. 37–45.
5. Smol'nikov N.S., Smol'nikov S.N. Dukhovnaia zhizn' sovremennogo obshchestva [The Spiritual Life of Modern Society] // Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki. – 2020. – №2. – pp. 35–43.
6. Smol'nikov N.S. Zametki o kul'ture [Notes on Culture] // Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki. – 2010. – №6. – pp. 84–100.
7. Kul'tura i kul'turnye industrii v RF: analitika 2018–2020. Rezul'taty kompleksnogo issledovaniia [Culture and Cultural Industries in the Russian Federation: Analytics 2018-2020. The Results of a Comprehensive Study]. – Moscow, 2020. Available at: https://eacop.org/wp-content/uploads/2021/01/culture_research_analitika-2020.pdf (accessed 30 August 2022).
8. Horkheimer M., Adorno T.W. Dialektik der aufklarung: philosophische

fragmente. – Moscow– Saint-Petersburg: Medium, Iuventa, 1997. – 312 p.

9. Fromm E. To Have or to Be? – Moscow: AST, 2014. – 320 p.

10. Megabitovaia bomba [The Megabit Bomb] / Lem S. Molokh. – Moscow: AST, 2005. – 782 p.

11. Sheckley R. «Chto takoe zomboid?» [What is a zomboid?] (1985) Available at: <https://youtube.be/MLAJ3Q9CPtE> (accessed 30 August 2022).

Kipriyanova Marionella Arkadievna – Candidate of Historical Sciences, Perm, Perm National Research Polytechnic University, Associate Professor of the Department of Sociology and Politology

E-mail: makipr@ya.ru

Smolnikov Sergey Natanovich – Perm, Perm National Research Polytechnic University, Senior Lecturer of the Department of Sociology and Politology

E-mail: imperial2000@gmail.com